

РЕЖИССЕР ПОПУЛЯРНЫХ СПЕКТАКЛЕЙ РАССКАЗАЛ О ТОМ, КАК ПРИШЕЛ В ТЕАТР И НАД ЧЕМ РАБОТАЕТ СЕГОДНЯ

В следующем году согласно возрастному цензу он покинет категорию «молодые режиссеры». Хотя и в этой нише ему жилось неплохо. Даже молодежная театральная премия «Прорыв» прошлой зимой, неожиданно наложив вето на очередное премирование вечного фаворита, вдруг отдала лауреатство в области режиссуры Хусниярову за спектакль, сделанный им в «ОН. Театре», — «Платонов. Живя главной жизнью».

Режиссерскую вольницу он получил еще у своего педагога Семена Яковлевича Спивака — в Молодежном театре на Фонтанке, где осуществил первую профессиональную постановку — «Жестокие игры». Уже несколько лет спектаклями Хусниярова прирастает зрительская аудитория Театра на Васильевском, недавно омский «Пятый театр» привозил на гастроли поставленный им спектакль «Лермонтов. Предчувствие», скоро в областном пензенском театре пойдет его постановка «Вадим» по ранней прозе того же классика... «Вчера, сегодня, завтра» — тема беседы режиссера с нашим корреспондентом.

Денис ХУСНИЯРОВ:

Я просто купил билет в Петербург

СОБРАЛСЯ СТАТЬ АРТИСТОМ

— Денис, как вы пришли в творчество, как определили, что вам надо поступать именно в Пермский колледж культуры, с которого начали свое образование?

— Да я и не понимал (улыбается). Мне было 20 лет, и я хотел стать артистом, а мест уже не было. И тут меня спросили: «А ты не хочешь на режиссуру? У нас там мальчиков мало...» Я не хотел, но пошел. Режиссура была массовых празднеств: массовики-затейники, Масленица, елки. Но это все пошло на пользу — для понимания профессии: я, не закончив колледжа, поступил в Пермский институт культуры. Хотя и здесь я отучился два года и подумал: «Если серьезно заниматься этой профессией, то надо ехать в Москву». Узнал, что Марк Анатольевич Захаров набирает курс, и рванул покупать билет. Но документы пока не забирал: прямо из очереди в кассу позвонил в Москву, спросил, принимают ли они копии документов. А мне сказали, что нет... Тогда я тут же позвонил в Питер, в нашу академию, где мне ответили, что берут копии.

И я попросил билет в Петербург. Поступали 60 человек — взяли пятерых. С каждым туром я не верил, что иду дальше, но поступил к Семену Яковлевичу.

МАТЕРИАЛ ПРИХОДИТ ИЗ ЖИЗНИ

— Разброс ваших драматургических интересов огромен. На первых постановках вы заявили себя поклонником советской драматургии. Какова природа вашего режиссерского выбора?

— Этот выбор каждый раз возникает спонтанно. Я не знаю закономерности прихода материала ко мне в руки. Приходит из жизни, а может, все и неслучайно.

Советская драматургия — материал человечный и близкий. На таком материале начинающему режиссеру увереннее входить в профессию. Там простые люди без заоблачных страстей. Работая над такими текстами, научаешься разбирать человеческие отношения, жизнь человеческого духа, нюансы психологии. А даль-

— Многие спрашивали: «А почему у тебя такая нервная Лариса?» Если вчитаться в текст, то обстоятельства жуткие: мать торгует дочерью, продает ее то одному, то другому, то третьему... Позор на весь город! Проворовавшихся женихов из дома забирает полиция. Какой должна быть женщина в таких обстоятельствах? Нежной и поющей романсы? Не знаю...

ше тебя тянет к художественным поискам, за пределы бытовой драматургии советских авторов.

— И переходным моментом от «советского периода» к «классическому» стал замечательный спектакль «Самая счастливая»?

— «Самая счастливая» — это история о поколении, которое «выпало». Эти женщины еще вроде и не стары, но их время почти ушло: ни семьи у них, ни близкого человека. Есть только мечта. У одной — любовь к Человеку-амфибии — известному актеру, у другой — молоденький военный пообещал, да не приехал... У третьей — зэк, который напел, что он Гагарин. Так вот они и живут мечтами, при этом сознавая, что вокруг реальность, которой им никогда не понять. У них ничего нет, только праздник из года в год один и тот же, одну и ту же водку квасят, и больше ничего... Такая вот простая история, в которой вроде бы хохма на хохме, но я сам сидел в зале и видел, как мужики рыдают над судьбами этих теток. Я бы в жизни не подумал, что этот спектакль может иметь такой отклик! Там два состава: есть помоложе, а есть возрастной. И получилось два разных спектакля.

У НАС В ТЕАТРЕ НЕТ КОНФЛИКТОВ

— Денис, вам люди интересны, это материал для наблюдений?

— Я никогда не придумываю спектакль, концепцию. Мне люди интересны: они приходят в театр, выходят на сцену, и их энергии начинают плавать вокруг меня во время репетиционного процесса. В этом движении, брожении, всплесках и выплесках все создается, все рождается...

— Получается, что режиссерство — это попытка собрать воедино какую-то картину из отдельных фрагментов?

— Природа режиссерства непонятна. Законов никаких нет. Как режиссер приходит в профессию? Неизвестно.

— Ну, тогда хоть скажите, как вы пришли в Театр на Васильевском...

— «Жестокие игры» посмотрела Татьяна Ткач, которая была завлитом Театра на Васильевском. Она и пригласила меня в театр. Сначала была «Веселенькая пьеса о разводе», потом «Самая счастливая», после которой мне предложили остаться в штате. В этом театре в 99 из 100 случаев материал, который я предлагаю, принимается. Никто не ставит палки в колеса, не приходит на генеральный прогон с требованием переделать все. Они уважают мои художественные взгляды. У нас нет конфликтов — мне доверяют. Так было и с «Бесприданницей».

МЫ ПОНЯЛИ, ЧТО ПИТЕР — ЭТО СКВОЗНЯК

— Пьеса — махина...

— Но я-то сначала наивно предполагал: «Сейчас попробую»... И мы там просто шею сломали: непростой материал. Хотя на меня вроде бы ничего не давило: я даже фильма «Жестокий романс» не видел.

— Что, и до сих пор не видели?

— Нет, теперь уже посмотрел. У Рязанова много придуманных сцен. «По мотивам»... Мы же придерживались текста, а уж какой вышел спектакль, судить не нам, конечно, но сам опыт был интересен: надо было сочинить нелобовое решение сценического пространства. Мы с Колей Слободяником пошли гулять по ночному Питеру, искать решение. Вдруг поняли, что Питер — это сквозняк. Каналы, мосты, Нева. Мы сделали «сквозняк». Волжский простор, холод, все запахнуты, все закрыты, нет простого человеческого тепла.

Потом был «Дом особого назначения», а потом возникла немецкая литература — попытка разобраться в художнике, попавшем в тупик, заблудившемся в жизни и

искусстве, — «Глазами клоуна» Генриха Бёля... Этот небольшой роман до нас ставили единожды — в 1968 году в Театре им. Моссосвета.

Причем задуман спектакль был на определенном актера, который не смог по некоторым причинам сыграть эту роль. Но появились Андрияша Феськов и Булат Шамсутдинов, и спектакль сложился.

— В этом спектакле изумительная работа художника по свету Евгения Ганзбурга!

— Это мука художнику по свету — делать свет в белой сценической коробке! Ганзбург сделал почти невозможное. А оформление там аскетичное: мы хотели это пространство сделать безжизненным, стерильным, и лишь одиночные вспышки, которые происходят в голове у Шнира, когда он звонит по телефону знакомым. Мы пытались создать бёлевский воздух. Это спектакль, на котором надо думать вместе с автором и артистом. Это не цирковое представление, как думают некоторые зрители.

ХОЧЕТСЯ, ЧТОБЫ ПУБЛИКА ДУМАЛА, А НЕ РАЗВЛЕКАЛАСЬ

— Увы, не вы один сетуете, что зритель не утруждает себя размышлениями...

— Да, я хочу, чтобы публика думала, а не развлекалась! В театре надо размышлять и рефлектировать. Сейчас я начал работать над «Одинокими» Герхарда Гауптмана. Безумно сложный материал, тема разрушения стереотипов, тема человека, ворвавшегося в общество и желающего сдвинуть его с мертвой точки. И он идет против всех, понимая, что по-другому он уже жить не сможет. Премьера должна состояться в феврале.

— А помимо Театра на Васильевском планируете еще постановки?

— Пока еще рано рассказывать подробности. А из далекого идущих планов — хотел бы осуществить постановку чеховского «Иванова», которую задумывал еще со студентами Спивака. Но это дело уже будущего сезона.